

сб. статей АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М., 1982; Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983; Васецкая А. А. Идеи социокосмизма в произведениях Н. А. Морозова: автореферат канд. дис. М., 1987; Внучков Б. С. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1988.

М. П. Лепехин

МОРШЕН (настоящая фамилия Марченко) Николай Николаевич [26.10(8.11).1917, Киев — 31.7.2001, Монтерей, Калифорния, США] — поэт, переводчик.

В 1944 вместе с отцом Николаем Владимировичем Марченко, ставшим впоследствии известным романистом (псевдоним — Н. Нароков), оказался в Германии. «Загадочную» фамилию М. выбрал, чтобы избежать репатриации. С 1950 живет в Калифорнии (США).

Печататься начал в 1948. Выпустил 5 авторских сб.: «Тюлень» (Франкфурт-на-Майне, 1959), «Двоеточие» (1967), «Эхо и зеркало» (1979), «Собрание стихов» (1996) и «Пуще неволи» (2000), куда впервые вошли переводы М.

Стихи первой книги более автобиографичны, лиричны. Вторая проникнута философскими раздумьями. Третья отличается значительно большим новаторством формы. Итоговая, пятая, включает в себя стихи четырех предыдущих, циклы «Умолкший жаворонок» и «Новые стихи» — философские раздумья поэта об искусстве и жизни. Всем им присуща «острая мысль, внутренняя страсть, а иногда и увлекательная игра смысловых контрастов и точек зрения» (В. Марков).

Н. Н. Моршен

Среди ранних стихов поэта лишь несколько однозначно трагических: «**На Первомайской жду трамвая**», «**Как круги на воде, расплывается страх**», «**Хиросима**» и «**Гроза**». Скепсис и ирония порой проявляются и в третьей книге поэта; в «**Воспалении зрительного нерва**» «красна девица сделалась синим чулком, / Сине море — зеленой скукой. / Синею птицей мерещился красный лопух, / Белый свет — семицветною грязью».

Через все творчество поэта «проходит мысль о свободе, о противостоянии фатуму, «страшному миру» XX в. М. даже вступает в полемику со своими предшественниками, поэтами «парижской ноты», обвиняя их в слабости («**Ответ на ноту**»).

Лирический герой поэта не желает приходить к смерти, как жертва к палачу, как бык к тореадору: «Казнь и убой! А я хочу — / Как два бойца, как два клинка».

М. настойчиво ищет антитезу «железному веку». Так, уже в раннем стих. «**Вечером 7 ноября**» поэт не ограничивается картиной казенных празднеств и противопоставляет им «Ночной и рассудочный воздух, / Рябины прогоркшие кисти, / Звезды запоздалой пробег».

Лирический герой М. призывает пойти «на самый дальний край земли, забыв, что нет такого края», и там «Мы сядем рядом на обрыв / И свесим ноги непременно, / Их до колена погрузив / В поток несущейся вселенной. / Мы будем верить тишине, / Вдыхать космические ветры, / Следить летящие вонне / Секунды, звезды, километры» («**Исход**»).

«Тюлень» завершается стих. «**1943**», один из персонажей которого, крестьянин-торговец, на рынке оккупированного Киева подходит к букинисту, «выбирает наугад» томик с надписью «Тютчев», где «кто-то подчеркнул до дыр: / «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...»

Так в поэзию М. входит тема космоса, судьбы Вселенной: «Среди туманностей цепных / Летит, кружит, поет Земля, / Окутанная дымкой слова».

М. ведет сам с собой спор о смерти и бессмертия. Он понимает, что от смерти не убежишь, «хоть круть, хоть верть», что «нахлынет смерть из темноты» («**Осенний жалуются норд**»). Но тут же говорит, что можно «свой перешагнуть предел».

В соответствии с антропософской теорией, вобравшей в себя и понятие кармы (реинкарнация душ), поэт, обращаясь к «Душе», говорит: «Ведь оба мы не умираем». Исчезает тело, а душа идет «назад за новым пилигримом». В свете этой мысли писателя становится понятно название его второй книги:

«Я смерть трактую не как точку — / Как двоеточие» (**«Шагаю путаной дорогой»**).

Еще одной темой, пронизывающей все творчество М., является тема личности, ее выбора и свободы.

«За каждой гранью свое мирозданье», — утверждает поэт в одном стих. «Все непохожи друг на друга», — говорит он в другом. Неприятие унифицированности людей звучит в стих. **«Цветок»**. Однако эгоизм-индивидуализм чужд поэту, о чем он прямо говорит в стих. **«Поиски счастья»**, интересного еще и своим графическим построением: Где Я выходит на первый план / Там только скука, туман, обман / рождение — Яйцеклетка / жизнь — Ярмо / любовь — Яд / смерть — Ящик. / А в том, где я на заднем плане, / Есть или счастье, иль обещанье: / Рождение — воля / Жизнь — стихия / Любовь — семья / Смерть — вселенная.

Более того, в **«Эхе и зеркале»** настойчиво утверждается, что каждое глубоко индивидуальное явление жизни одновременно несет в себе черты рода, играет общественную роль: «...каждое я — это мы, / И каждая былинка — это поле, / И каждое дерево — это лес, / И каждая особа — это вид. / А все, что называют / Полям, лесом, нацией... / Сверхград друзей...»

Начиная со стих. **«Раковина»**, тема включенности человека в природу сопрягается у М. с темой поэта и поэзии. Образ погибшего Мандельштама, преодолевшего стихами тяжесть земной оси и победившего время, олицетворяет у М. искусство (**«Былинка»**). Поэт, утверждает М., как и волк, «уходит от любой дрессировки, как велит генетический долг» (**«Волчья верность»**).

В стих. **«Все то, что мы боготворим»** М. сравнивает строку с вихрем, пламенем, рекой и утверждает, «что в ней, в одной из строк, бессмертья, может быть, залог».

Поэт, утверждает М. в триптихе **«Недоумь — слово — заумь»**, — связующее звено живой природы и вечности. В первой безымянной части стих. идет переключка поэта и дятла: «Мы с ним спелись для дзюта: / Отбивал он так и ток, / Я проворно в схему эту / Подключал за слогом слог».

Во второй части «Поэт» М. говорит, что «На человеческий язык / Речь духа переводит лира, / На недоумь — звериный рык, / На заумь — Сотворенье мира».

Появляется упомянутый еще в «Двоеточии» образ «Сезама» (**«Шагает, как военнопленный»**): «Крутой замес еще бродил в сезаме. / Змеясь, жило в нем словопламя. / Формировался звукоряд, / И появлялись буквособойства: / Сезам / Аз ЕСМь / АЗ E = MC² / Сезаумь, откройся!»

Предпоследняя строчка — формула теории относительности Эйнштейна: ключом к человеку, пространству и времени может и должно, по М., стать слово.

Слова для поэта — «табуны лошадей» (**«У словарей»**), «стук спондея» и «пиррихия разбег» (**«Я свободен, как бродяга»**). Даже закат «по небу сеет письменами» (**«Закат»**).

Присматриваясь к словам, Моршен находит в слове «небытие» слово «быть»; в «глухоте» — «ухо», в «педанте» — «Данте». Диалектику природы он стремится передать «диалексикой» (**«К словам я присмотрюсь...»**, **«Часть и целое»**). Разделяя привычные слова на слоги, поэт возвращает им первоначальный смысл: свое-волие; под-снежник, боли-голов, чаро-действие, благо-даря, оче-видным и т. п.. А если и этого оказывается мало, то создает необычные новые словосочетания: «не водопад — а водокап, не травостой — а траволяг»; «дух птициановый»; «снежновости»; «снеголым-голо»; «на елочке снеговоздки, снеголочки»; «снеграфика, снеготика».

В поздней лирике (**«О звездах»**, **«Пять стихотворений с эпиграфами»**) поэт утверждает преимущество жизни «не впопыхах», жизни-«чуда», чтобы «вкус бессмертья длился на губах». Тема смерти и бессмертия развивается и в стих. **«Гамлет на пороге третьего тысячелетия»**.

Несокрушимый оптимизм, редкий для поэзии русской эмиграции, вызвал к жизни и особые худож. формы поэзии М.

Ритмику М. при всей ее традиционности отличает динамическая энергия, создаваемая четкими повторами ударений в параллельных стихах, короткими фразами, нарастанием от сб. к сб. использований тире, вопросов, восклицаний.

Живая жизнь передается у поэта олицетворениями и метафорами: «месяц — мамонт со светящимся клыком», «тростник отточен, словно сабля», «уходит осень по тропинке», «оставляют метели свою канитель», «земля под дождем от страха мякла», «созвездья ночью искры мечут», «ручей — поэт подпочвенный», «галки выют, как слова», «закат, сраженный на бегу окровавил сосульки», «луна, разжиревшая за день», «Хиросима — город, обнаженный для распятья», «тень — кошка». Во всех этих олицетворениях и сравнениях природа, человек, поэзия слиты воедино.

Иронический, но отнюдь не скептический оттенок придают стихам поэта использованные им в своеобразном соединении технические термины XX в. («сокровищница генная», «электромагнетизм», «термодинамика») и просторечия типа «ахи-охи», «тары-бары», «фигли-

мигли»; «тру-ля-ля и те-те-те». Оживляют стихи звукоподражания птицам, эху («зин-зи-вер» и «чыи-вы, чьи-вы») и «пить-пить-пить»).

Для стихов М. характерны и виртуозные рифмы (искусница — златокузница, рассказывай — топазовый, ерепенится — смиренница, на зиму — празелень, озером — прозелень, такт — смарагд, изумруд — не замрут), и фонетические повторы внутри одной строки или строфы.

М.-переводчика привлекали стихи Оливера Холмса, Генри Лонгфелло, Джемса Лоуэлла, Франсиса Холкинсона, восславивших американскую революцию. Философ-оптимист, М. обращается к стихам Г. Торо, У. Уитмена, Р. Фроста, Р. П. Уоррена и др. практически неизвестных русскому читателю американских поэтов о природе, любви, красоте жизни, о сильных и мужественных людях. Даже если речь идет о смерти, как в стих. американцев Марка Стрэнда («В самом конце»), Рэймонда Кавера («Что сказал доктор») или англичанина Джона Мейсфилда («Морской волк»), их лирический герой сохраняет стойкость и готов даже в предсмертный час в море пуститься «опять, в привольный цыганский быт».

Соч.: Тюлень: стихи. Франкфурт н/М., 1959; Двое-точие. Вашингтон, 1967; Эхо и зеркало. Идеоподражание и деэподражание. Berheley, 1979; Собр. стихов. Berheley, 1996; Пуще неволи. М., 2000.

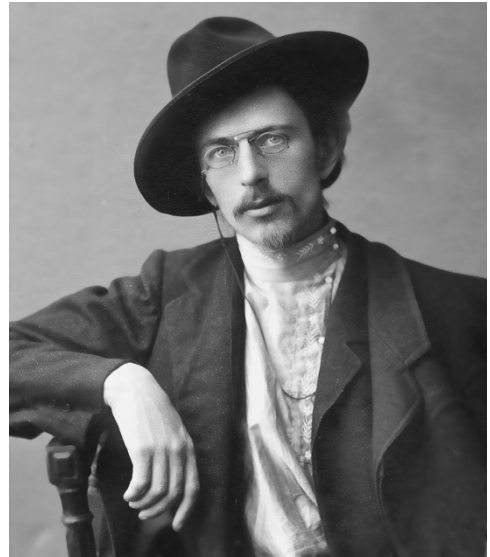
Лит.: Нарциссов В. Под знаком дифференциала: Поэзия Н. Моршена // Новый ж. 1979. № 125. С. 135–144; Вайль И. Николай Моршен и мы, или ритм и стих: О книге «Эхо и зеркало» // Новый ж. 1986. № 165. С. 207–231; Витковский Е. Дань живым // Новый мир. 1989. № 9. С. 59; Karlynsky S. Morshen after Ekho i Zerkalo // Культура русского модернизма. М., 1993; Агеносов В. В. Литература Russkogo зарубежья. М., 1998; Грищенко А. Николай Моршен. Пуще неволи. Стихи // Новый ж. 2000. № 223. С. 249–256.

В. В. Агеносов

МУЙЖЕЛЬ Виктор Васильевич [18(30).7. 1880, д. Уза Псковской губ.— 3.2.1924, Петроград] — прозаик.

Мать, увлеченная народническими идеями, вышла замуж за конторщика своего имения. М. получил незаконченное среднее образование. Служил писцом, приказчиком, земским статистиком, делал рисунки для иллюстр. изданий. Первое серьезное произведение (рассказ «**В непогоду**») было опубликовано в 1904 в ж. «Мир Божий» по настоянию А. И. Куприна.

М. вписал свою страницу в худож. летопись русской деревни. Основная тема доброт-

В. В. Муйжель

ных бытописательских рассказов и повестей М.— народная жизнь. Судьба забитого нуждой крестьянина осмысливается в рассказах «**Аренда**» (1906), «**Бабыя жизнь**» (1907), «**Старый Камора**», «**Старухина земля**» (оба — 1909) и др. Для писателя, испытавшего влияние Льва Толстого, характерно представление о бессознательном, «роевом», крестьянском бытии, вера в мужицкую правду земли, которая обновит мир. Причину крестьянских бед М. видит в отходе от исконно присущих русскому народу соборности и общинности.

Рассказы «**Кошмар**» (1906), «**Солдаты**» (1908) и др. связаны с событиями первой русской революции; они завершаются чаще всего трагическими финалами. Вера в обновление жизни сменяется разочарованием, острым осознанием разобщенности народа и интеллигенции («**Осенью**», «**Прохожий**», «**Учительница**»).

В 1907 М. сблизился с Арцыбашевым и принял участие в нашумевших сб. «Жизнь» (1908) и «Смерть» (1910).

В самом крупном и известном 2-томном романе писателя «**Год**» (1911) дан точный анализ изменений деревенской жизни, вызванных столыпинскими реформами.

Будучи во время Первой мировой войны военным корреспондентом газ. «Биржевые ведомости» в Польше и Галиции, М. написал книгу очерков «**С железом в руках, с крестом в сердце**» (1915).

Октябрьскую революцию встретил сочувственно. В 1918–19 возглавлял профессиональный Союз деятелей худож. лит.-ры.